

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 10-го Июля 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10340.

Случай.

Итакъ, мой другъ, вы совершенно не раздѣляете моей вѣры въ сверхъестественное и таинственное? Вамъ кажется, что весь міръ наголо выбрали и очистили отъ всего случайного и непонятного, и повсюду остались только ясныя и выразительныя а плюсъ въ, да дважды два четыре. Все доступно нашему опыту, наблюденіямъ и измѣреніямъ? Но представьте себѣ, что иногда 2×2 вовсе не четыре, а восемь, тридцать и болѣе.

Нѣтъ, мой милый скептикъ, вы ошибаетесь!

Въ складкахъ нашей жизни, въ неизмѣтныхъ уголкахъ ея иногда прячутся странныя и полузнакомыя намъ лица. Бываютъ дни, когда они появляются; бываютъ ночи, когда мы видимъ ихъ. Это странные моменты. Возможно, что мы тогда сами немного больны, немного ненормальны съ общей точки зрѣнія. Но развѣ известно въ точности, кто видитъ далѣе—больные или здоровые? Гений обладаетъ удивительной прозорливостью. Но развѣ гениальность не болѣзнь?

Одинъ мой знакомый, въ нормальности котораго никто не могъ сомнѣваться, рассказалъ мнѣ, и рассказалъ совершенно спокойно, увереннымъ тономъ, что

въ годовщину своей смерти къ нему въ квартиру приходила его жена. Видѣ она имѣла самый обыкновенный; была въ простомъ кашемировомъ платьѣ, которое носила незадолго до болѣзни. На правой руцѣ ея былъ любимый браслетъ съ медальономъ, на шеѣ ниточка коралловъ. Встрѣтившись глазами съ мужемъ, она привѣтливо улыбнулась, затѣмъ прошла въ залъ, сѣла за піанино и сыграла серенаду Брага, которую часто играла именно въ эти послѣобѣденные часы.

Придя въ себя, мой знакомый бро-

Медаль, выбитая въ честь коронованія англійской королевской четы.

сился въ залу, но тамъ уже никого не было. Онъ отыскалъ въ спальнѣ ящичекъ жены, гдѣ хранилъ ея драгоцѣнныя, по памяти, вещи, и нашелъ въ немъ и браслетъ, и кораллы, но странно, бумажки, въ которыхъ они лежали, были развернуты и находились отдѣльно.

Впрочемъ, зачѣмъ я вамъ буду рассказывать со словъ другихъ. Лично со мной нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошло странное, исключительное событие. Оно не поддается ни нашему

Новый французскій кабинетъ.

1) г. Кайо, министръ-президентъ и министръ внутреннихъ дѣлъ; 2) г. де-Сельвъ, министръ иностранныхъ дѣлъ; 3) г. Мессими, военный министръ; 4) г. Делькассе, морской министръ; 5) г. Лотцъ, министръ финансовъ; 6) г. Куиба, министръ торговли и промышленности; 7) г. Стегъ, министръ народнаго просвѣщенія; 8) г. Крюппи, министръ юстиціи; 9) г. Рену, министръ труда; 10) г. Оганье, министръ общественныхъ работъ; 11) г. Памъ, министръ земледѣлія; 12) г. Лебрентъ, министръ колоній.

опыту, ни нашимъ измѣреніямъ. О, до этого случая я самъ былъ болѣшимъ скептикомъ, а теперь.. Ну, да вотъ послушайте. Ничего изъ этого происшествія не изгладилось въ мсей памяти, и я хорошо помню даже детали.

Тогда я только что окончилъ университетъ и началъ свою юридическую практику, а такъ какъ средства мои были болѣе чѣмъ ограниченныя, то квартиру я нанялъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Падагаевымъ, и въ одномъ и томъ же кабинетѣ, хотя и въ разные часы, мы принимали клиентовъ. Съ Падагаевымъ мы учились еще

въ гимназіи и были очень дружны.

Въ началѣ юля мнѣ поручили первое большое дѣло о наслѣдствѣ. Дѣло было очень сложное, и мы взялись за него вмѣстѣ съ Падагаевымъ. На первыхъ же порахъ намъ было необходимо поѣхать въ маленькой провинциальной городокъ Т. Мы быстро уложились и отправились. Эта поѣздка особенно привлекала насъ, такъ какъ въ Т. мы оба родились и оба окончили гимназію; знакомыхъ ужне было, но оставались

улицы, дорогія по воспоминаніямъ; наконецъ, были и дорогія могилы—моего отца и матушки Падагаева.

Въ первые два дня своего пребыванія въ Т., который мы уже не видѣли болѣе пяти лѣтъ, мы устроили всѣ дѣла, и вотъ за обѣдомъ Падагаевъ предался воспоминаніямъ.

— Помнишь, Коля,—началъ онъ,— какъ мы разъ вечеромъ проборались въ гимназію, дали сторожу на чай и въ своемъ восьмомъ классѣ учинили выпивку? Кажется, еще на твоей партѣ; она вся была разрисованная.

— Да, припоминаю. Но кто былъ съ нами, кроме тебя, никого не помню.

— Ну какъ же. Михаиль Вѣтвицкій.

Я улыбнулся. За сестрой Вѣтвицкаго—Олей Падагаевъ тогда ухаживалъ.

— У тебя есть основанія помнить это, скажаль я.

— Да..., протянулъ мой другъ.—Хорошее было время. Гдѣ онъ теперь—не знаешь?

— Мишка? Не имѣю никакого представленія. Знаю, что онъ выбралъ Новороссійскій университетъ.—и только.

Послѣ обѣда фантазія Падагаева совсѣмъ разыгралась, и онъ предложилъ мнѣ вспомнить молодость, купить коньчаку, лимончикъ и отправиться въ гимназію.

Эта выдумка мнѣ понравилась. Въ Т. съ самаго начала меня охватило какое то мальчишеское настроение.

— Ну, хорошо, сказалъ я.—Только

намъ не удастся пр
браться въ классы, если
тамъ уже не служить
нашъ рыжій Аникей.

— Пустяки, дадимъ
лишній цѣлковый.

Было еще совсѣмъ свѣт-
ло, когда мы подошли
къ гимназіи. Это громад-
ное зданіе съ окнами, за-
крытыми ставнями, те-
перь, въ канікулярное
время, выглядѣло какъ-то
мрачно и сосредоточенно.

— Вотъ мельница, она
ужъ развалилась, протя-
нула Падагаевъ и разсмѣ-
ялся.

— Напрасно. И совсѣмъ
не развалилась. Меня да-
же охватываютъ старыя
чувствія; вспоминается вѣч-
ное беспокойство—не вы-
зовутъ ли.

— А Федора Ивановича
помнишь?

— Еще бы, изъ-за него чуть на
второй годъ въ пятомъ классѣ не
остался.

— Сердишься, небось?

— Нисколько. Теперь люблю его.

Мы оба разсмѣялись и почти вѣ-
жали по ступенькамъ къ парадному
входу.

Гаучъ,

новый австрійскій министръ-президентъ.

К. С. Немышаевъ.

Къ 40-лѣтнему юбилею служебной дѣя-
тельности.

Императорскій призъ,

Высочайше пожалованный за про-
бѣгъ Петербургъ-Севастополь на
состязаніи автомобилей. Эта пра-
бѣгъ организуетъ Россійское авто-
мобильное Общество, и состоится
онъ въ началѣ сентября 1911 года.

Дверь была открыта. Мы вошли въ
приемную, которая въ бытіе времія на-
ходилась рядомъ съ квартирой дирек-
тора. Пахнуло намъ въ лицо старымъ
знакомымъ запахомъ, который свой-
ствененъ каждому дому. Нѣправо, у
окна, за столикомъ сидѣлъ сторожъ и
читалъ газетку. Онъ былъ потягнутъ
къ намъ навстрѣчу, и мы тогчась
узнали Аникея.

— Онъ уже не рыжій Совѣтъ по-
сѣдѣль, чугочеку сгорбился. Вѣдь, по-
жалуй, седьмой десятокъ на исходѣ.

Сначала онъ смотрѣть на насъ не-
довѣрчиво, но когда мы обняли его,
разсказали о цѣломъ рядѣ гимназиче-
скихъ мелочей, онъ вдругъ просвѣт-
лѣлъ лицомъ, и самъ, уже вторично,
бросился на насъ обнимать. Таки вспо-
мнилъ старикъ, и это было почему-то
особенно пріятно.

Падагаевъ улыбаясь рассказалъ ему

о нашемъ желаніи „тряхнуть стари-
ной“. Аникей покачалъ головой, лука-
во покосилъ глаза и сказалъ:

— Да ужъ Богъ съ вами, пущу. Я
сейчасъ тутъ одинъ. Все равно, что хо-
зяинъ.

Онъ вынулъ изъ кармана связку
ключей, и по лѣстницѣ мы поднялись
во второй этажъ, гдѣ находилась на-
ша церковь и первые пять классовъ.

— Въ церковь-то заглянете? спро-
силъ старикъ, останавливаясь у дверей.

— Ну, конечно.

Падагаевъ же даже вынулъ рубль
и, отдавая его Аникею, сказалъ:

— Въ августѣ, когда будетъ служ-
ба, поставьте свѣчечекъ за нась и дву-
гривенный въ тарелку положите. А
попъ тотъ же?

— Вашъ, вашъ... о Макарій... Слѣп-
нуть послѣднее время стало.

Мы вошли въ церковь. Чисто, оди-
ноко и полная тишина. Послѣдніе лу-
чи заходящаго солнца вливались въ
окна и падали на поль желтыми че-
тыреугольниками. Мягкіе отблески свѣ-
та дрожали на золоченыхъ колонкахъ
иконостаса, сверкали вѣнички святыхъ
и серебряные лампады.

Мы невольно начали говорить тише.

— Вотъ тутъ я стоялъ, сказалъ Па-
дагаевъ.—Совѣтъ близко отъ инспек-
тора. Ну и влетало же мнѣ!

— А я вотъ здѣсь, у дверей, и пря-
мо предъ моими глазами бытъ лысый
затылокъ Федора Ивановича.

Мы обошли всю церковь, вышли.
Аникей снова зазвенѣлъ ключами, и
вмѣстѣ мы отправились къ лѣстницѣ,
чтобы сойти внизъ, гдѣ находились
старшіе классы.

— Теперь ты откроешь намъ вось-
мой классъ, сказалъ Падагаевъ.

Въ это время внизу хипнула дверь,
и мы услышали шаги человѣка, по-
дымавшагося по лѣстницѣ.

— Еще къ тебѣ гость. Аникей.

— Сынъ, вѣроятно. Онъ мнѣ въ
это время вечерять приносить.

Но каково же было наше удивленіе,
когда, пройдя лишь нѣсколько ступе-
ней внизъ, мы столкнулись лицомъ
къ лицу съ Мишкой Вѣтицкимъ.

Онъ былъ въ легкомъ бѣломъ ко-
стюмѣ. Поперекъ пикейного жилета
цѣпочка, синій галстукъ, воротничекъ
съ отогнутыми кончиками.

— Мишка! какими судь-
бами? заораль Падагаевъ.

Вотъ ужъ: гора съ го-
рой не сходится, а чело-
вѣкъ...

Онъ не докончилъ сво-
ихъ словъ и бросился об-
нимать Вѣтицкаго.

Но тотъ быстро отстра-
нился въ сторону.

— Погоди, сказалъ онъ.
У меня, братъ, на губѣ
что-то вродѣ лишия.

Тутъ я впервые внимательнѣе взглянулъ на
Вѣтицкаго. Онъ былъ
немного блѣденъ, но главное что меня удивило въ
немъ, это его моложа-
вость. Ему теперь лѣтъ
тридцать, а между тѣмъ
онъ выглядѣлъ совсѣмъ
юношей.

Можно было сказать,
что у него только что
начали пробиваться усыки. На его гу-
бѣ, къ которой онъ приложилъ пал-
ецъ, было странное темное пягно,
почти черное пятно; такое же пятно я
замѣтилъ на его правомъ вискѣ.

— Но какъ ты попалъ сюда? спро-
силъ я.

Вѣтицкій улыбнулся:

Генералъ Смитъ Баденъ-Пауль,

(Robert Stephenson Smyth Baden-Powell) организаторъ англійскихъ „Boy Scouts“, вызвавшихъ подражаніе себѣ почти во всѣхъ странахъ. Принципы Баденъ-Пауля почти цѣлкомъ осущест-
влены, кроме Англіи, въ Германии. У насть, въ Россіи, наши „потѣшные“ далеко отошли отъ англійскихъ „Boy-Scouts“, очень мало занятыхъ фронтовыми ученіями. На коронаціонныхъ тор-
жествахъ въ Англіи ген. Баденъ-Пауль коман-
довалъ многотысячной дѣтской арміей. Рисунокъ
изображаетъ его въ костюмѣ „boy-scout“.

— Очень просто. Я проходилъ ми-
мо гимназіи и увидѣлъ васъ. Ваши
лица мнѣ показались знакомыми, од-
нако, я нѣсколько колебался, и вотъ,
чтобы провѣрить себя, я тоже вошелъ
въ гимназію. Онъ добавилъ тише:

— Очень радъ, что не ошибся;
очень радъ, что снова вижу васъ.

— Да разъ вѣ ты здѣсь живешь?
— Нѣть, проѣзжомъ. Щду на Кавказъ.

Оживленно разговаривая (Падагаевъ уже сообщилъ о коньякѣ), мы спустились внизъ и вошли въ восьмой классъ.

Моей разрисованной парты уже, конечно, не было, но въ общемъ все сохранило свой прежній видъ. Стаяя черная доска, немнога расщепленная посерединѣ, карты на стѣнахъ, большой мѣдный отдушникъ въ стѣнѣ, какъ разъ надъ каѳедрой.

Мы внимательно осмотрѣли все, а такъ какъ уже темнѣло Аникей привнесъ намъ изъ своей комнатушки лампочку и три рюмки.

Падагаевъ велъ себя совсѣмъ какъ мальчишка, нарисовалъ на доскѣ какую-то рожу и подписалъ: «Федоръ Ивановичъ Математикъ». Затѣмъ стеръ пальцемъ кое-какія линіи въ лицѣ учителя и подписалъ — «а это его жена Параскева». Мы дружно хохотали. Падагаевъ когда-то былъ нашимъ первымъ рисовальщикомъ карикатуристомъ.

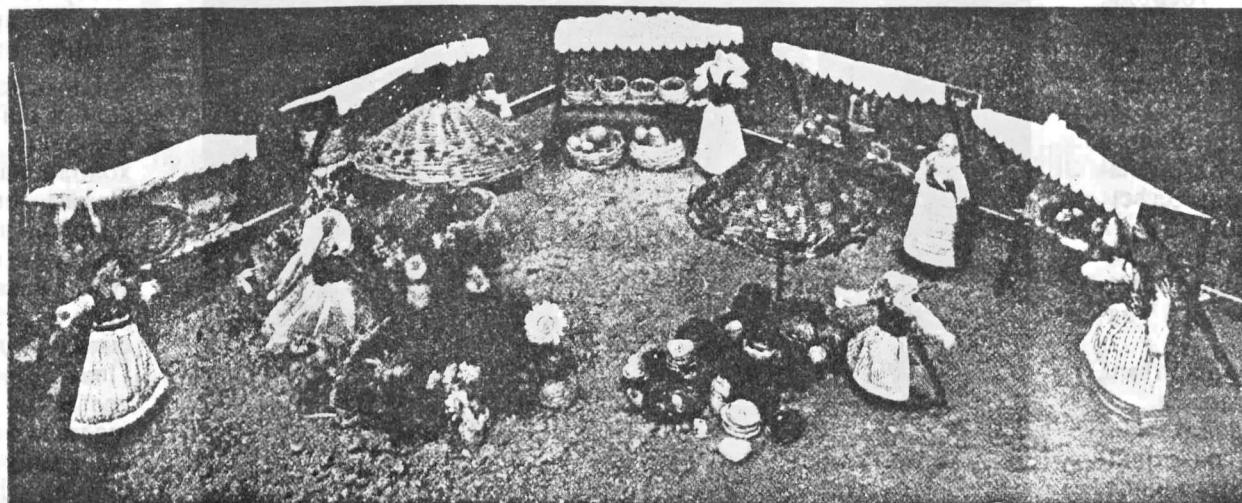
— Вогъ синусъ и косинусъ, продолжалъ онъ забавляться. А вотъ Падагаевъ провелъ нѣсколько удачныхъ линій, — вотъ гжа Афродита. — Помнишь, Мишка, обратился онъ къ Вѣтицкому, какъ меня захвагиль разъ инспекторъ рядомъ съ этой дамой?

— Такъ, такъ, но ты забылъ, что я успѣлъ полотенцемъ затереть твой рисунокъ на половину.

— Слѣдовательно, получилось два часа карцера вместо четырехъ!

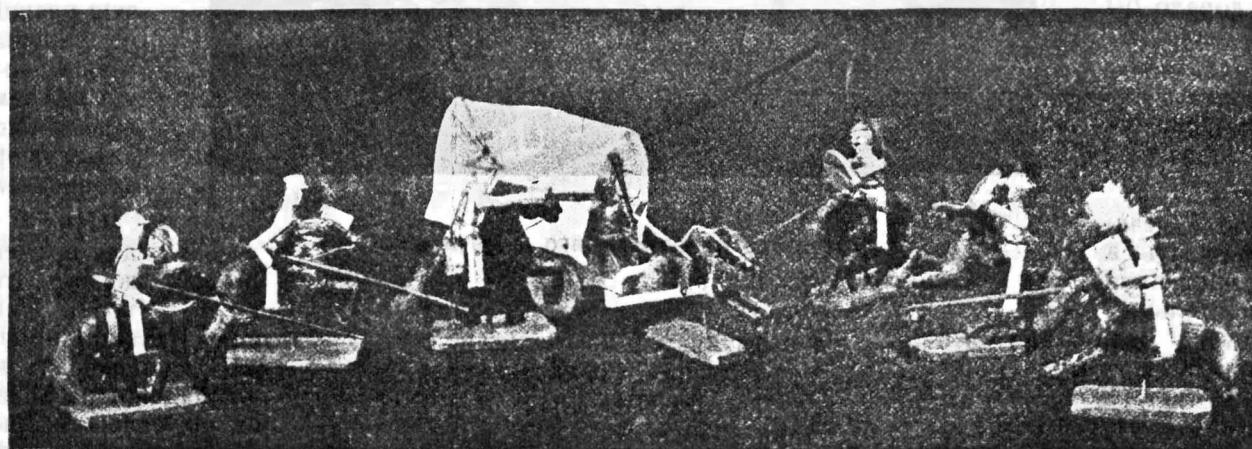
Падагаевъ бросилъ мѣль и занялъ мѣсто рядомъ со мной на задней скамьѣ, а Вѣтицкій помѣстился на слѣдующей.

Было совсѣмъ темно. Свѣтъ лампы съ жестянымъ прожекторомъ падалъ

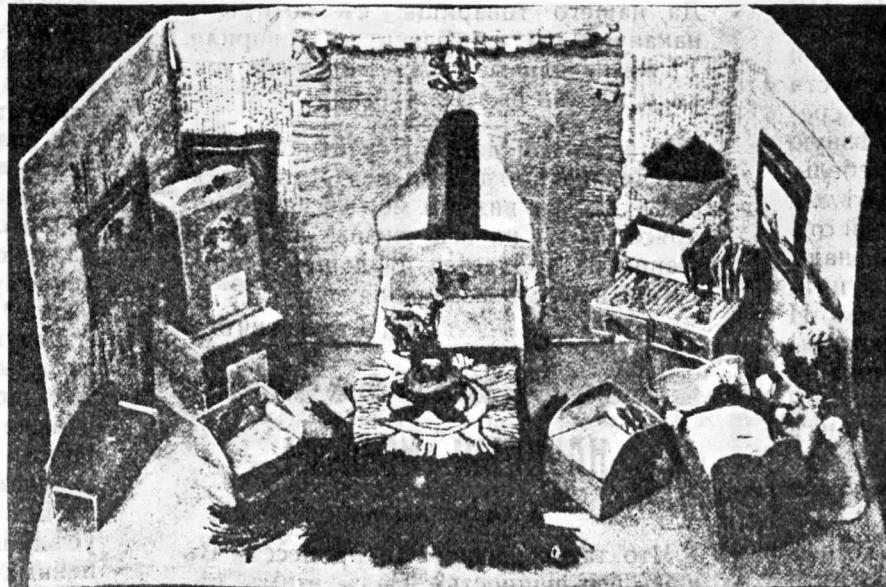

Игрушки, сдѣланыя въ Елизаветинской школѣ учительницѣ въ Гросли-Перфельдѣ, близъ Берлина.

(См. „Южн. Край“, № 10325, статья Е. Пономаревой).

Работа 12 лѣтняго мальчика изъ щепокъ.

Дѣтская работа изъ спичечныхъ коробокъ и бумаги, сдѣланная въ домѣ и именіи Песталлоци и Фребеля въ Берлинѣ.

на насть двоихъ, а Мишка оставался нѣсколько въ тѣни. Углы класса и каѳедры совсѣмъ утопали во мракѣ.

— Ну, наливай, крикнулъ Падагаевъ. — Совсѣмъ какъ семь лѣтъ тому назадъ! А что бы намъ спѣть?

— Gaudemus, предложилъ Вѣтицкій и какъ-то странно захихикалъ.

— Ну, это не подходитъ. Лучше „Солнце всходитъ и заходитъ“.

Я протянулъ рюмку коньяку Вѣти-

вицкому, но онъ отрицательно покачалъ головой.

— Стыдись! крикнулъ Падагаевъ въ. За нашу встрѣчу! — Два года уже не пью. Не могу. У меня съ же-лудкомъ цѣлая пертурбациѣ.

— Ну такъ мы за тебя выпьемъ. За твой желудокъ!

Мы выпили. Падагаевъ запѣлъ. Потомъ обрвалъ пѣніе:

— Не поддерживаете, черти! Ну да поговоримъ. Ты, значитъ, Мишка, такъ и остался въ Одессѣ?

— Такъ и остался.

— И не женатъ?

— Не женатъ.

— Ну мы холостяки. По этому случаю

налей-ка, Коля, еще.

— А сестра твоя гдѣ? Тоже въ Одессѣ?

Вѣтицкій улыбнулся:

— Вспомнилъ таки. Нѣть, она въ Москвѣ, замужъ вышла. Теперь, вѣроятно, дѣтей съ пол-дюжины, и снова Вѣтицкій какъ-то странно захихикалъ.

— Ну, выпьемъ за ея дѣтей! Вспомнилъ, братъ, какъ не вспомнить. Я для нея однихъ стиховъ написалъ цѣлый альбомъ, да альбомъ съ рисунками. А какъ твои сердечные дѣла? Ты всегда сторонился женщинъ.

Вѣтицкій поблѣднѣлъ. Я это хорошо замѣтилъ.

— Я тоже любилъ, тихо проговорилъ онъ. — Если бы вы знали, какъ была прекрасна эта дѣвушка! У нея были черные волосы, черные глаза и алые губы. Когда она

надѣвала на шею кораллы, я не могъ оторвать отъ нея взгляда. Каждая красавица! Но меня она не любила.

Это часто такъ бываетъ... Помню, я заболѣлъ... Помню, со мной случилось большое несчастье...

Онъ умолкъ, словно не имѣлъ силъ говорить. Мы невольно стали серьезны, чувствуя рѣдкую грусть въ его словахъ.

Въ этотъ моментъ Вѣтицкій поднялся.

— Прощайте, господа, мнѣ надо спѣшить.

— Да постой минуту! крикнулъ Падагаевъ, приподымяясь.

Но Вѣтвицкій уже ничего не отвѣтилъ и быстро направился къ двери. Здѣсь, въ полумракѣ комнаты, я еще разъ увидѣлъ его лицо. Оно было страшно блѣдно, а глаза казались закрытыми.

— Странный человѣкъ, невольно прошепталъ я.

— Я думаю, сказалъ Падагаевъ, что его разстроило непріятное воспоминаніе.

Онъ просто захотѣлъ скрыть отъ насть свое волненіе.

Черезъ полчаса мы были уже въ гостинницѣ.

— Знаешь что, сказалъ я, Мишка таки разстроилъ намъ нервы. Стѣдовало бы его навѣстить, но, жаль, мы совсѣмъ забыли спросить, где онъ остановился.

— Да, жаль, буркнуль Падагаевъ.

На другой день вечеромъ мы собиралисьѣхать, а потому утромъ поступили какъ самыя почтительныя дѣти: купили цвѣты и поѣхали на кладбище къ нашимъ мертвымъ родителямъ.

Кладбище было совсѣмъ веселое. Масса зелени, пѣли птицы, чистыя аллеи и всюда скамьи.

Сначала отправились на могилу матери Падагаева. Онъ разсыпалъ на землю цвѣты, сѣль и задумался.

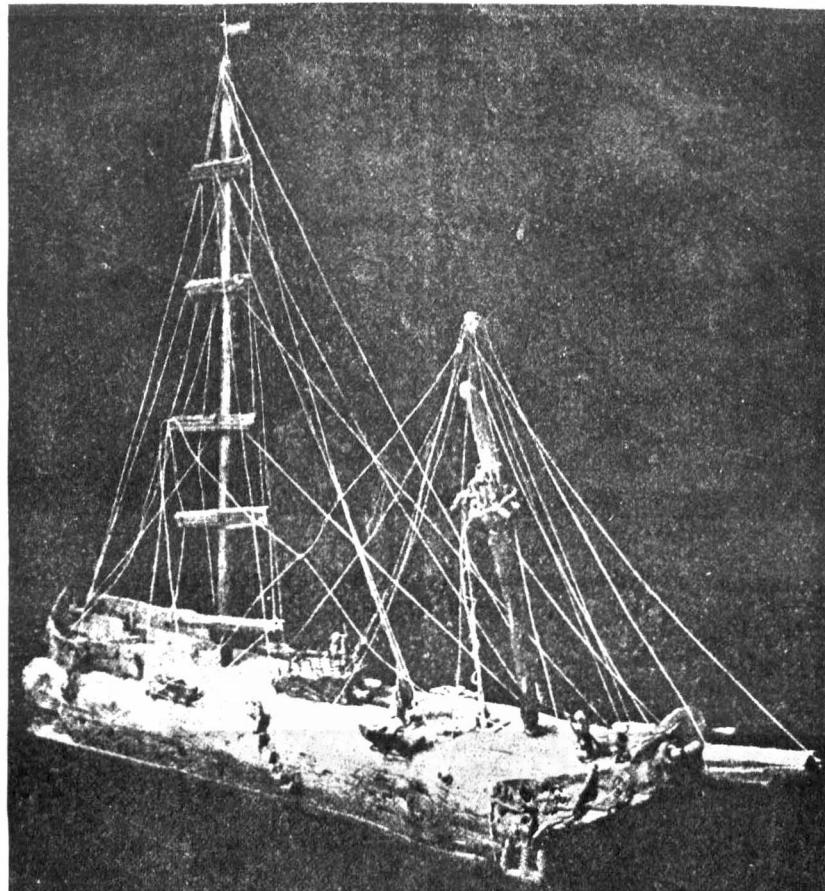
Я не нарушалъ его молчанія, его воспоминаній. Затѣмъ мы отправились къ оградѣ, нашей семьи, куда и я несъ цвѣты въ свою очередь. Спустя нѣсколько минутъ, я уже увидѣлъ среди акацій и кустарниковъ желѣзную ограду нашего фамильного погребального мѣста. Знакомые кресты. Бѣлый мраморный памятникъ, покрытый отъ времени коричневатыми пятнами, надѣлъ могилой отца. Я положилъ свои цвѣты и задумался, какъ и Падагаевъ. И мнѣ, конечно, припомнились картины дѣства, и тихая печаль воспоминаній наполнила сердце. Наконецъ, я поднялся, и мы отправились по тропинкѣ къ главной аллѣ. Мы сдѣлали все, что хотѣли, и теперь можно было уѣзжать.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ меня заставилъ вздрогнуть какой-то дикій крикъ Падагаева шедшаго сзади меня. Я обеи нулся. Блѣдный, съ дрожащими губами, онъ стоялъ какъ вкопанный около небольшой ограды и не отводилъ глазъ отъ высокаго мраморнаго памятника.

— Что съ тобой?

Падагаевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ протянулъ руку по направленію къ памятнику и тотчасъ безсильно уронилъ ее.

Я подошелъ, нагнулся и въ свою очередь почувствовалъ странный холодъ въ ногахъ и дрожь во всемъ тѣлѣ.

Работа девятилѣтняго мальчика.

На памятникѣ было написано:

Михаилъ Сергеевичъ

ВѢТВИЦКІЙ.

Род. 1873 г. Ум. 1897 г.

— Но, прошепталъ я, возможно со-
впаденіе.

Тогда Падагаевъ указалъ мнѣ на лѣвую сторону памятника.

Тамъ былъ портретъ Вѣтвицкаго. Да, нашего товарища, съ которымъ наканунѣ мы видѣлись и говорили. Тѣ же печальные глаза, маленькие усики и плотно скаты губы...

Итакъ, мой дорогой скептикъ, дважды два не всегда четыре. Я передаю вамъ то, что видѣли мои глаза, что потрясло меня на всю жизнь и совершенно не поддается ни нашему опыту, ни нашимъ измѣреніямъ.

Ал. Станкевичъ.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Загадка жизни.

Что такое жизненный процессъ? Въ чёмъ его сущность? Надѣ этимъ вѣковѣчнымъ вопросомъ напрасно ломаютъ себѣ голову биологи и метафизики.

Судя по настоящему состоянію нашихъ знаній, нужно думать, что проблема „души“ долго еще останется неразрѣшимой, и всѣ споры въ этой области будутъ сводиться къ болѣе или менѣе шаткимъ гипотезамъ. Однако, интересно отмѣтить послѣднюю попытку подойти къ разрѣшенію тайны жизни съ новой стороны: мы говоримъ о работахъ извѣстнаго же-невскаго ученаго Рауля Пикте, генію

котораго положительная наука обязана многими выдающимися открытиями.

Въ основаніе своихъ изысканій Пикте положилъ наблюденія надъ дѣйствіемъ холода на живыя существа. Первые его опыты въ этомъ направлѣніи были предприняты еще восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Будучи убѣженъ а priori, что жизнь есть сила, подобно тяготѣнію, Пикте рядомъ послѣдовательныхъ заключеній пришелъ къ выводу, что если бы химикамъ удалось когда-нибудь сфабриковать лабораторнымъ способомъ искусственное зерно, то жизнь сама не замедлила бы одухотворить его. Но разъ это такъ, то будетъ вѣренъ и противоположный выводъ: если простояніе химической реакціи въ организмѣ, не нарушая цѣльности его тканей, то жизненные явленія въ немъ должны исчезнуть и вновь появиться тогда, когда организмъ обрѣтетъ первоначальное равновѣсіе.

Самое удобное средство для временной простоянки жизни—это низкая температура. Пикте продѣлывалъ поразительные опыты надъ рыбами: онъ замораживалъ ихъ такъ, что онѣ при паденіи разбивались какъ стекло; ни малѣйшей искры жизни въ нихъ нельзя было подмѣтить; и тѣмъ не менѣе при осторожномъ оттаиваніи онѣ вновь оживали, какъ ни въ чёмъ не бывало.

„Однажды,—говоритъ Пикте,—въ женевскомъ университѣ я пустилъ въ стеклянный сосудъ 28 рыбокъ. Продержавъ ихъ около сутокъ въ температурѣ 0°, я медленно заморозилъ ихъ, такъ что вода въ сосудѣ превратилась въ сплошной кусокъ льда. Затѣмъ этотъ ледъ былъ охлажденъ до 20°. Вынутыя изъ льда рыбки ломались, точно сами онѣ были ледяныя. Месяца черезъ два сосудъ подвергся медленному оттаиванію, и всѣ рыбки ожили“.

Лягушки, какъ явствуетъ изъ тѣхъ же опытовъ, выносятъ температуру—28°, сколопендры—около—50°; улитки—даже до—120°. Подобные же опыты Пикте производилъ надъ морскими свинками, кроликами и собаками.

„Всѣ эти факты,—говоритъ Пикте,—убѣдили меня, что изслѣдованіе жизненныхъ феноменовъ путемъ примѣненія низкихъ температуръ даетъ возможность причислить жизнь къ разряду постоянныхъ силъ природы.

